

УДК 94(47)

П.Л. Казарян

**Ссылка на Северо-Восточную Россию (середина XVII – начало XX вв.).
Проблемы археологии**

Статья рассказывает о некоторых археологических проблемах изучения истории политической и уголовной ссылки XVII–XX веков на северо-восток России. Автор считает, что полноценное и достоверное изучение истории ссылки возможно только путём взаимодополнения сведений, содержащихся в федеральных, региональных и ведомственных архивах.

Ключевые слова: ссылка; Северо-Восточная Россия; национальные (федеральные), региональные, ведомственные архивы; археология ссылки.

P. L. Kazaryan

**The exile to Northeast Russia
(the middle of XVII – the beginning of the 20th centuries).
Archaeology problems**

Article tells about some the archaeological problems of studying of history of the political and criminal exile of the 17–20th centuries on the northeast of Russia. The author considers that full and reliable studying of history of the reference is possible only by complementarity of the data which are contained in federal, regional and departmental archives.

Keywords: reference: Northeast Russia; national (federal), regional, departmental archives; reference, archaeology.

Северо-Восточная Россия – историко-географическая часть Русского (Российского) государства, сложившегося с 1629 г. (первого похода русских в бассейн р. Лены) по 1789 г. (добровольного принятия чукчами российского подданства). Границы её определяются бассейнами рек Анабар, Лена, Уда, Тугур. Административно-территориально в разные периоды на её территории существовали образования Ленского, Охотского, Камчатских краёв и Чукотская земля (до 1888 г., начала образования уездов в регионе).

Этой самой отдалённой частью Русского государства с 40-х годов XVII в. суждено было стать местом ссылки двух категорий ссыльных – на службу и в пашню. Законодательно же впервые Ленский край как особое место ссылки был определён Соборным Уложением 1649 года. В главе XIX «О посадских людях», в статье 13 предписывалось ушедших московских и городских посадских тяглых людей вернуть на прежнее место причисления, «А будет они въперёд учнут за ково закладыватися и называтися чьими крестьяны, или людми, и им за то чинити жестокое наказание *бити их кнутом по торгом и сылати их в Сибирь на житье на Лену* (Курсив мой. – П.К.)» [1, с. 204].

Так было положено начало категории ссыльных, которая расширяясь по составу преступлений и видам наказания, впоследствии получила классификацию как ссылка по уголовным преступлениям.

Основная цель этой ссылки в XVII–XIX вв. в регионы Северо-Восточной России носила не только карательный характер, но и имела экономическую и демографическую основу. Так, например, после учреждения указом Правительствующего Сената от 29 апреля 1731 г. Охотского порта, с включением в его состав отделённого от Якутского уезда Охотского побережья и Камчатки, Сенат указом от 26 июня 1733 г. предписывал Сибирскому приказу: «... из присланных, и кои впредь посылаться будут за вины в ссылку в Охотск, разных членов [чинов? – П.К.] людей сибирскому губернатору с товарищи на житье определять в тот Охотск и на Камчатку, по рассмотрению, столько, сколько могут там себя содержать на тамошнем пропитании, а прочих рассылать в другие сибирские города и остроги, где малоллюдно китайской границе...» [2, с. 190].

Вторая категория сосланных на Северо-Восточную Россию – лица, осуждённые по государственным (политическим) преступлениям. При этом необходимо отметить, что в законодательном предписании и практическом применении по этим преступлениям существовало два этапа.

Первому этапу, применительно к региону, положило начало Соборное Уложение 1649 г. и который получило своё законодательное развитие в актах второй половины XVII–XVIII вв. [3, с. 6–33].

Так, например племянник сосланного в 1672 г. в Сибирь гетмана Левобережной Запорожской Сечи Демьяна Игнатовича Многогрешного Михаил Зиновьевич Многогрешный по царскому указу и грамоте Сибирского приказа от 17 марта 1674 г. был отправлен из Енисейска в Ленский острог «в пешую казачью службу».

По доставлении в Ленский острог, вначале он содержался в тюрьме, затем получил разрешение поступить на службу. Дослужился до чина десятника и в 1701 г. Якутской приказной избой был назначен приказчиком Камчатки [4, с. 129].

С конца 20-х – начала 30-х годов XVIII в. Якутский уезд, Охотский порт и Камчатка становятся местом ссылки для государственных (политических) преступников – участников дворцовых заговоров и интриг, осуждённых за происки против царствующих особ и Российского государства и др.

Начало этому положил манифест от 27 мая 1727 г. «О винах Антона Девиера и товарищей и о наказании тех, которые будут говорить что-либо противное постановлению о наследии Российского Престола» [5, с. 798–800].

С каждым десятилетием число сосланных по этим составам преступлений увеличивалось [6, с. 1–35]. Особое место среди них занимали «секретные арестанты», которые этапировались и содержались на местах водворения особым порядком.

Так, например, назначенному исполнять должность коменданта Якутской области коменданту Нижне-Удинска, подполковнику Богдану Карповичу Гельмерсену правителем Иркутского наместничества, генерал-майором Ларионом Тимофеевичем Нагелем под его личным присмотром было поручено доставить из Иркутска в Якутск «из поляков секретного арестанта» Андрея Дубровского, которому местом ссылки был назначен город Зашиверск. Гельмерсен прибыл с ним в г. Якутск 12 октября 1795 г.

Тот же Нагель 29 октября 1795 г. сообщал исправляющему должность городничего Жиганска, коллежскому асессору Алексею Осиповичу Горемыкину о назначении на житьё в город Жиганск «секретного арестанта поляка» Ивана Оскирка, предписав, одновременно, правила надзора над ним [7, л. 8–9].

Особое место в ограничении ссылки, в частности по мотивам государственных (политических) преступлений, в самый отда-

лѣнный край Северо-Восточной России – Камчатский сыграло восстание 1771 г. ссыльных на Камчатке, во главе с польским конфедератом Морицом Августом Беньѣвским, и побег на казѣнном галиоте «Святой Пѣтр» [8, с. 3–23, 49–79].

Это же стало причиной отделения указом Екатерины II от 30 апреля 1772 г. управления Камчатского края от Охотского порта и назначения главным командиром Камчатки премьер-майора Магнуса Карла (Матвея Карловича фон Бена (Бема), с непосредственным подчинением его губернатору Иркутской губернии [4, с. 208].

Попытка государственного переворота 14 декабря 1825 г., учреждение 1 июня 1826 г. Верховного уголовного суда, предание суду 121 человека трёх организаций декабристов, положили начало новому этапу в истории политической ссылки в России [9, с. 514–515, 753–772; 10, с. 60–62].

Всѣ это и определило место Якутской области как региона для ссылки лиц, осуждѣнных по политическим мотивам. Дальнейшее развитие российского законодательства в XIX – начале XX вв. превратило Якутский край в место массовой ссылки для всех категорий ссыльных (кроме ссыльнокаторжных) [11, с. 236–272; 12, с. 144–157].

Введѣнная в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. норма «ссылка на житьѣ в отдалѣннейшие или менее отдалѣнные места Сибири» привела на практике, со второй половины XIX в., к сужению географических рамок «отдалѣннейшего» места ссылки до границ Якутской области [13, с. 156–160].

Если начало ссылки третьей группы ссыльных – раскольников в Сибирь, берѣт своё начало с 20-х годов XVII в. [14, с. 17–18], то ссылка «церковных раскольников и мятежников» на Северо-Восток России начинается с 70-х годов XVII в. [15, с. 125–126].

В XVIII – начале XIX вв., по мере появления новых сект – духоборцев, иконоборцев и других, увеличилась и численность сосланных в регион по этим преступлениям лиц.

Особое место Якутская область занимала в ссылке представителей такой опасной секты, как скопцы. Увеличению числа сосланных в Якутскую область способствовали и некоторые нормативные акты. Так, например, заложенные в «Уложение

о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г. в статье 207, норма о ссылке последователей сект «по Сибири – в отдаленнейшие оной места» [16, с. 218] и решение Совета Главного управления Восточной Сибири от 15 апреля 1847 г. о ссылке в Якутскую область скопцов за вторичное, уже находясь в ссылке в Сибири, совершённое преступление, привели к резкому увеличению числа сосланных в Якутскую область скопцов [13, с. 160–161; 17, с. 234].

Именным указом от 18 апреля 1847 г. «О назначении мест для ссылки сибирских раскольников» [18, с. 323–324] для водворения скопцов предназначалась северная часть Енисейского округа – Туруханское отделение, район с тяжёлыми климатическими условиями. Неоднократные обращения скопцов к властям Восточной Сибири о переселении их в более удобный для занятия сельским хозяйством район, в конце концов, нашли понимание у генерал-губернатора, генерала от инфантерии, графа Николая Николаевича Муравьёва-Амурского и он обратился с докладом, со своими предложениями в Министерство внутренних дел.

В результате утверждённого Александром II Положения Сибирского комитета от 6 декабря 1859 г. предписывалось впредь водворять скопцов в Якутской области [19, с. 323]. Вместе с тем министр внутренних дел, член Государственного совета Сергей Степанович Ланской 4 февраля 1860 г. утвердил представление Совета Главного управления о переселении скопцов из Туруханского края в Якутскую область [13, с. 161].

Ведущим местом ссылки скопцов среди трёх южных округов Якутской области (Олёкминского, Якутского, Вилюйского) с 1860 г. по начало XX в. являлся Олёкминский округ [20, с. 32–35].

С 1650-х годов Якутский край становится своеобразным штрафным районом для коренных жителей Сибири. Особенностью ссылки в регион становится и ссылка по этническому признаку. Так, например, утверждённые Николаем I 15 мая 1837 г. «Правила, заключающие в себе меры против переселения евреев в сибирские губернии и для уменьшения числа поселённых уже в Сибири евреев», в числе мер по ссылаемым евреям, предусматривали, чтобы «ссылные за преступления, отправляемые по прежнему в Сибирь, не были там поселяемы в городах,

а водворялись всегда особыми селениями в отдалённых местах Сибири, именно в Якутской области и за Байкалом» и чтобы «евреев, осуждаемых в каторжные работы, по окончании срока сей работы, селить также не иначе как в Якутской области и за Байкалом» [21, с. 324–325].

Именно как «отдалённое место ссылки в Сибири» предопределило место в Якутской области ссылки участников польского восстания 1863–1864 гг. [22, с. 12–19]. Те же критерии лежали в основе утверждённых Александром II 29 мая 1870 г. правил «Об административной высылке в Сибирь конокрадов и инородцев Оренбургского края и о порядке составления о них приговоров», когда предписывалось подобных лиц «выслать административным порядком на всегдашнее жительство в отдалённые места Восточной Сибири» [23, с. 12].

Министерство внутренних дел указало генерал-губернатору Восточной Сибири, генерал-лейтенанту Михаилу Семёновичу Корсакову местом для водворения ссыльных татар и башкир выбрать Якутскую область. А в области для их водворения предназначались три южных округа (Олёкминский, Якутский, Вилюйский), а в северные округа (Верхоянский, Колымский) их водворяли только лишь как наказание – за нарушение режима надзора, по требованию сельских обществ и др. По численности же водворённых ведущее место занимал Олёкминский округ [24, л. 5–40, 51–84, 132–160].

Панорамный, краткий обзор ссылки на Северо-Восточную Россию в XVII–XX вв. свидетельствует, что несмотря на сокращение ссылки в отдельные края – Камчатки (в XVIII в.), Охотска (к середине XIX в.), тем не менее, именно Якутскому краю суждено было оставаться на весь период существования карательной политики царизма самым востребованным отдалённым местом ссылки в России.

При изучении истории этой ссылки важнейшее место занимает археографическая проблема: во-первых, установление того круга источников, которые утеряны безвозвратно; во-вторых, выявление в архивах того круга источников, которые способны, порой путём взаимозаменяемости, расширить археографическую базу в изучении истории этой ссылки.

Первым фактором в утере источников в XVII – начале XX вв. были пожары в архивах, центральных и местных органах вла-

сти и управления. Применительно к Якутскому краю губительное последствие имели около 30 пожаров. В изучении истории ссылки невосполнимые следы оставили такие пожары как: в ночь с 13 на 14 августа 1643 г. уничтожение полностью Тобольского острога; 24 июля 1666 г. – Илимского острога; 29 мая 1677 г. – вновь города Тобольска; 6 июня 1701 г. – Архиерейского дома с архивом в Тобольске; 29 июля 1778 г. – архива г. Енисейска; 21 сентября 1812 г. – Якутского областного правления (ЯОП), с делопроизводством, текущим архивом и взятыми из архива для справок делами; 23 ноября 1867 г. – Якутского земского суда, с архивом за 1822 – 1867 гг.; 22–24 июня 1879 г. в г. Иркутске административные учреждения Восточной Сибири и Иркутской губернии, со своими архивами, где хранились дела за XVII–XIX вв., в т. ч. вывезенные из Якутска в Иркутск; в ночь с 27 на 28 декабря 1879 г. – здания ЯОП, с делопроизводством, с делами, взятыми из областного архива для справок, не сданными в архив делами Якутского городского полицейского управления, всеми описями архивных дел; в ночь с 5 на 6 октября 1884 г. – здания Якутского окружного суда, с делопроизводством и архивом; 8 августа 1890 г. – Якутского областного архива, с описями архивных дел за 1714–1887 гг. и сданными в архив по 1887 г. делами; 5 мая 1916 г. – здания ЯОП, с делопроизводством, архивом за 1906–1916 гг., с делами, взятыми из областного архива для справок.

После пожаров органы власти и управления пытались минимизировать их последствия. Так, например, после пожара 1879 г., ЯОП в числе других потребовало 5 января 1880 г. от Якутского окружного полицейского управления представить статейные списки прибывших до 1880 г. ссыльных. К октябрю 1883 г. были представлены 670 статейных списков, однако эта работа не была завершена и к началу 1886 г. [25, л. 1–17; 26, 17, л. 1–4].

Второй фактор обусловлен государственной политикой уничтожения архивных дел прошлых эпох. Начало этой политики положило утверждённое Николаем I 5 января 1848 г. Положение Комитета министров «О учреждении особых Комиссий для разбора решённых дел, накопившихся в архивах уездных присутственных мест», где предписывалось: «... для устранения неудобств, происходящих от накопления решённых дел в архивах

уездных (применительно к Якутской области окружных. – П.К.) присутственных мест ведомства Министерства Внутренних Дел, учреждать, с разрешения Министерства особая Коммисии для разбора сих дел...», для уничтожения. При этом оговаривалось: «... чтобы предварительно уничтожения тех из них, кои признаны будут ненужными, непременно было на сие каждый раз Высочайшее разрешение через Комитет Министров» [27, с. 14].

При этом в указе при создании комиссии содержится ссылка на опыт образования подобных комиссий для уничтожения архивных дел в законе «Высочайше утверждённое учреждение губернских правлений» 2 января 1845 г. [28, с. 16–60], где в статьях 299–300 оговаривались порядок уничтожения определённого рода архивных дел и состав для разбора и уничтожения этих дел комиссий.

Если учесть, что в Якутском крае административно-территориально с 1640 г. по 1775 г. и с 1804 по 1822 гг. существовал один Ленский – Якутский уезд; с 1775 г. по 1784 г. – 1 воеводство и 5 комиссарств; с 1784 г. по 1804 г. – 5 уездов; с 1804 г. по 1813 г. – 7; с 1813 г. по 1822 г. – 5 комиссарств; а с 1822 г. – 5 округов, то можно представить ту колоссальную работу, которую предстояло проводить в Якутском областном, Якутских городском и окружных управлениях архивах.

Во исполнении Высочайшего повеления от 5-го января, министр внутренних дел граф Лев Алексеевич Перовский циркулярным предписанием от 31 января 1848 г. за № 408 потребовал от иркутского гражданского губернатора, действительного статского советника Андрея Васильевича Пятницкого приступить к его исполнению в подведомственной губернии. Так как Якутская область входила в подведомственную территорию, то губернатор 13 марта 1848 г. за № 1174, с приложением в копии циркулярного предписания министра за № 408, направил в Якутское областное правление соответствующее предписание (ЯОП) [29, л. 1–3 об].

Так, например, по исполнению указания вышестоящих властей, в Якутском областном архиве была образована комиссия, которая спустя два года представила результат своей работы. В «Соображении членов комиссии назначенной для разбора старья дела хранящиеся в Якутском областном архиве и подлежащие к уничтожению», в списке для уничтожения были включе-

ны дела Якутской воеводской избы и канцелярии [30, л. 1–20 об.]:

- за 1674 г. – 1 дело;
 - за 1691 г. и 1697 годы – 3 дела;
 - за 1700 г. – 1 дело;
 - за 1702 г. – 9 дел;
 - за 1704 – 1751 гг. – 8 071 дело.
- Всего – 8 085 дел.

Представленный список – свидетельство того, в каких масштабах уничтожались старые дела в областном, окружных и учрежденческих архивах Якутской области.

Политика уничтожения старых дел опустилась до самоуправления уровня. Так, например, генерал-губернатор Восточной Сибири, генерал-лейтенант, сенатор Николай Петрович Синельников разрешил после отбора уничтожить дела одной из крупных инородческих управ Якутского округа – Батурусской за 1810–1860 годы. Отбор документов для сдачи в областной архив ЯОП 11 сентября 1871 г. поручило Якутскому областному статистическому комитету, который из 3 877 дел отобрал для архива всего лишь 200 дел, а остальные были проданы с торгов в городе торговцам на обёртки. Вырученные же деньги – 3 рубля, были сданы в областное казначейство 30 июля 1872 г. [31, л. 1–15].

Приведённые всего лишь некоторые факты – свидетельство того, что полноценное и достоверное изучение истории ссылки Северо-Восточной России возможно только путём взаимодополнения сведений, содержащихся в национальных (федеральных), региональных и ведомственных архивах.

Среди фондов РГАДА [32] особое значение имеют такие фонды высших и центральных органов власти и управления как ф. 214 (Сибирский приказ), ф. 6 (Разряд VI), ф. 24 (Сибирский приказ и управление Сибирью), ф. 248 (Сенат и его учреждения), ф. 237 (Монастырский приказ) и др.

С учётом того, что в архивах Восточной Сибири и Дальнего Востока не сохранились документы XVII в. – 1770-х годов, то важное значение имеют хранившиеся в архиве фонды: во-первых, административно-территориальных образований, которые так или иначе задействованы были в организации этапирования, переназначении, не говоря уже о собственных ссылных,

сосланных в регионы Северо-Восточной России; во-вторых, фонды, относящиеся к Ленскому (Якутскому), Охотскому, Камчатскому краям [33].

К первому относят такие фонды приказных изб, как ф. 838 (Енисейский), ф. 1121 (Иркутский), ф. 1142 (Нерчинский); провинциальных канцелярий – ф. 428 (Енисейской), ф. 1025 (Иркутской); воеводских канцелярий – ф. 494 (Илимской), ф. 1424 (Усть-Киренской); ф. 415 (Сибирской губернской) канцелярий.

Вторая группа это фонды: Якутской приказной избы (ф. 1177), Якутской воеводской канцелярии (ф. 697), Якутской провинциальной канцелярии (ф. 416), Канцелярии командира Анадырской крепости (ф. 1095), Канцелярии Гижигинской крепости (ф. 1096).

Именно в РГАДА хранится основная масса археографического наследия основоположника сибирской историографии Герхарда Фридриха Миллера (ф. 199), многие документы которого, ввиду потери оригиналов, являются незаменимыми источниками при изучении всех направлений, в т. ч. и ссылки, истории как Сибири в целом, так и её регионов, в том числе и Северо-Восточной России [34].

Среди фондов ГАРФ [35] по изучению истории Северо-Восточной России имеются две категории фондов. Первая представляет такие фонды, которые содержат сведения от законодательной регламентации ссылки, судебных приговоров до их воплощения в действительность. Среди них фонды Третьего отделения Собственной ЕИВ канцелярии (ф. 109), Департамента полиции МВД (ф. 102), Верховной распорядительной комиссии (ф. 94), Особой канцелярии МВД (ф. 1165), Временной канцелярии Министерства юстиции (ф. 124), отдельных следственных комиссий (ф. 95, ф. 272).

Примечательно, что в этом архиве находится самая большая коллекция фотографий (после появления практики фотографирования арестантов) существования царской ссылки (ф. 1742).

Вторая категория фондов – это фонды, непосредственно связанные с отдельными категориями ссылных Сибири. Среди них особо ценным является фонд Всесоюзного общества бывших политических каторжан и ссылнопоселенцев (ф. 533). Определённый интерес представляют и фонды личного происхождения бывших ссылных северо-востока державы, таких как Виктора

Николаевича Катина-Ярцева (ф. 1734), Михаила Моисеевича Полякова (ф. 1794), Михаила Павловича Павловича (Вельмана) (ф. Р-5402) и др.

Среди фондов РЦАНИ [36] можно отметить фонд Всесоюзного общества старых большевиков (ф. 24), личные фонды Емельяна Михайловича Ярославского (ф. 89), Виктора Павловича Ногина (ф. 145), Владимира Филипповича Горина-Галкина (ф. 292) и других.

Для выяснения значения и места ссылки в регионы Северо-Восточной России, а также практики ссылки, особое значение имеют такие фонды РГИА [37] как: законодательных органов – Государственного Совета и его учреждений (ф. 1148, 1149, 1167, 1239 и др.), Государственной Думы (ф. 1278), исполнительных органов – Комитета министров (ф. 1263) и Совета министров (ф. 1275, 1276), Первого (ф. 1264) и Второго (ф. 1265) Сибирских комитетов, а также канцелярия министра внутренних дел (ф. 1282), Департамента полиции исполнительной (ф. 1286), Министерства юстиции (ф. 1405) и коллекция вещественных доказательств того же министерства (ф. 1410).

В личных фондах этого архива по истории ссылки в России, в т. ч. на северо-восток страны, выделяется фонд Павла Елисеевича Щёголева (ф. 1093).

Среди сосланных в регионы Северо-Восточной России были и военнослужащие, сведения о которых, ввиду отсутствия в региональных архивах материалов за XVIII – начало XIX вв., необходимо искать в двух национальных (федеральных) военных архивах.

В РГА ВМФ [38] необходимо вести поиск в фондах Государственной адмиралтейств-коллегии (ф. 212), Морского генерал-аудиториата и управления флота генерал-аудитора (ф. 33), Главного военно-морского судного управления Морского министерства (ф. 407).

Для представления о службе сосланных чинов военно-морского флота первостепенное значение имеют две коллекции: Послужные и формулярные списки чинов морского ведомства (ф. 406) и списки чинов флота (ф. 1089).

При поиске в РГВИА [39] о сосланных лицах военного ведомства необходимо отметить, что поиск придётся вести как в общероссийских фондах, как, например, Военно-учёного архива

(ф. 846), Формулярных списках (ф. 489), Коллекции офицерских сказок (ф. 490), Послужных списках офицеров (ф. 409) и др., так и в фондах отдельных воинских соединений и военно-оперативных управлений.

Вспомогательные, но уточняющие сведения могут содержать те фонды личного происхождения генералитета, фондообразователи которых так или иначе были связаны с управлением Сибирью.

В России за Уралом существует только один национальный архив, это Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). К сожалению, в этом архиве хранятся дела, относящиеся к старой истории, только лишь XIX – начала XX вв. Тем не менее, ряд региональных и местных фондов заслуживают внимания, как в общеисторическом, так и в отдельном тематическом плане, в т. ч. и касательно истории ссылки. Среди них такие, как Приморское областное правление (ф. 1), Канцелярия военного губернатора Приморской области (ф. 87), Военного губернатора Камчатской области (ф. 84), Главного управления Восточной Сибири (ф. 701), Канцелярии Приамурского генерал-губернатора (ф. 702), Охотского земского комиссара (ф. 1070), Гижигинского уездного начальника (ф. 1083) и другие.

При изложении археографических основ изучения истории ссылки Северо-Восточной России, в первую очередь необходимо обратиться к г. Иркутску и его архиву. Дело в том, что со времени образования 26 ноября 1724 г. Иркутской провинции, Якутский край по 1917 г., Охотский, Камчатский края и Чукотская земля по 1884 г. подчинялись органам власти и управления провинциальных и губернских властей Иркутской губернии и Восточной Сибири.

Однако в результате тех или иных событий, особенно иркутского опустошительного пожара 1879 г., архивные фонды по начало XIX в. перестали существовать. Сохранившиеся материалы разных фондов, от административно-управленческих до хозяйственных и религиозных, содержат богатый материал по истории ссылки разных категорий ссыльных в регионы Северо-Восточной России. Поэтому необходимо особо подчеркнуть, что максимально раскрыть всю полноту истории ссылки в эти регионы, невозможно без фондов ГАИО [40].

Среди них фонды: Главного управления Восточной Сибири (ф. 24), Канцелярии Иркутского генерал-губернатора (ф. 25), Иркутского губернского управления (ф. 32), Иркутской казённой палаты (ф. 161), Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (ф. 293), Иркутской духовной консистории (ф. 50) и другие.

Ценнейшим и старейшим историческим архивом не только Северо-Востока, но и всего Дальнего Востока, является архив города Якутска – Государственный архив Республики Якутия.

В его фондах сохранились дела с середины 1770-х годов (выборочно с 30-х годов) по 1917 г. При этом необходимо по составу дел отметить, что они касаются как регионального (уездного, провинциального, областного) уровня, так и местного (комиссарств, уездного, окружного) и самоуправленческого (городского, крестьянского, инородческого) уровней.

По полноте и сохранности дел рубежным является 1822 год. Если до этого года сохранились не все фонды органов власти и управления, то фонды после 1822 г. более укомплектованы и хронологически полноценны.

В разрезе изучения истории ссылки в регионы Северо-Восточной России особый интерес представляют такие фонды, как Якутской воеводской канцелярии (ф. 1-и), Якутской провинциальной канцелярии (ф. 2-и), Якутского коменданта (ф. 4-и), Алданской воеводской канцелярии (ф. 5-и), Якутского областного управления (ф. 12-и), Якутской верхней расправы (ф. 178-и) и др.

По опыту работы мы считаем, что вспомогательную роль при изучении истории ссылки могут сыграть фонды духовных ведомств Якутского края. Дело в том, что в разные времена в его состав входили церкви Охотского, Камчатского краёв, и до упразднения в 1770 г., Анадырская Спасская церковь (ф. 239-и).

Поэтому содержащиеся в фондах Якутского духовного правления (ф. 225-и), Камчатской духовной консистории (ф. 227-и), Якутской духовной консистории (ф. 226-и) метрические и исповедальные книги способны представить ценные сведения, особенно о рождении (крещении), бракосочетании и отпевании ссыльных.

Третья категория архивохранилищ – ведомственные, имеют разноплановый характер – от общеисторических до осве-

щающих отдельные сферы. Среди крупнейших и ценнейших по истории Северо-Восточной России XVII–XVIII вв. назовем фонды Якутского (ф. 160), Иркутского (ф. 168), Нерчинского (ф. 96) воеводских изб, архива Санкт-Петербургского Института истории (СПБИИ) РАН и др. [41].

Дополняют сведения вышеперечисленных фондов сведения коллекции Г.Ф. Миллера (ф. 21) Санкт-Петербургского филиала архива РАН.

Определённый интерес как по истории общественно-политического движения, так и по ссылке его участников, а также по их деятельности в годы изгнания, содержат многие личные фонды. Например, в архиве Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН – фонды Николая Фёдоровича Анненского (ф. 17), Николая Константиновича Михайловского (ф. 181), Константина Константиновича Арсеньева (ф. 359), Павла Елисеевича Щёголева (ф. 627) и др. Среди фондов Санкт-Петербургского филиала Института Востоковедения РАН находятся такие личные фонды бывших ссылных, как Николая Алексеевича Виташевского (ф. 11), Владимира Ильича Йохельсона (ф. 23, 631).

Приведённый обзор свидетельствует о необходимости расширения изучения археографической основы истории ссылки в Северо-Восточную Россию XVII – начала XX вв. Только этим путём возможно достичь более ощутимых результатов в решении настоящей проблемы как в узком, региональном масштабе, так и в контексте истории этой части России.

Список литературы и источников

1. Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. Акты Земских соборов. М.: Юридическая литература, 1985. 511 с.
2. Полное собрание законов Российской империи (в дальнейшем ПСЗРИ). Собр. I. Т. 9.
3. Казарян П.Л. Генезис политической ссылки в России (конец XV – начало XIX в.). Учебное пособие. Владивосток: Изд-во Якутского госуниверситета, 1999. 48 с.
4. Казарян П.Л. План П.Ф. Кузмищева 1834 года о передаче Охотско-Камчатского края Российско-Американской компании. Якутск: Изд-во ЯНЦ СО РАН, 2009. 268 с.
5. ПСЗРИ. Собр. I. Т. 7.
6. Сельский И.С. Ссылка в Восточную Сибирь замечательных лиц (1645–1762) // Русское слово. 1861. № 8. Отд. I. С. 1–35.
7. Государственный архив Республики Якутия (в дальнейшем ГАРЯ), ф. 12-и, оп. 1, д. 13.

8. Берх В.Н. Побег графа Веньевского из Камчатки во Францию // Сын Отечества. СПб., 1821. № XXVII, с. 3–23; № XXVIII, с. 49–79.
9. ПСЗРИ. Собр. II. Т. 1.
10. Базилевский Б. (Богучарский В.) Государственные преступления в России в XIX веке. Т. 1 (1825–1876 год). СПб., Русская скоропечатня, 1906. 352 с.
11. Казарян П.Л. Правовая регламентация политических преступлений в законодательстве России. Первая треть XIX – начало XX века // Сибирская ссылка. Вып. 7 (19). Иркутск: Оттиск, 2013. С. 236–272.
12. Казарян П.Л. Административная расправа по политическим мотивам в России (конец XIX – начало XX вв. // Сибирская ссылка. Вып. 5 (17). Иркутск: Оттиск, 2009. С. 144–157.
13. Казарян П.Л. Якутия в системе политической ссылки России. 1826–1917 гг. Якутск, 1998. 496 с.
14. Казарян П.Л. Ссылка в Сибирь (конец XVI – начало XIX в.). Учебное пособие. Владивосток: Изд-во Якутского госуниверситета, 1999. 56 с.
15. Дополнение к актам историческим. Т. 11. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1869. 332 с.
16. Российское законодательство X–XX веков. Т. 6. М.: Юридическая литература, 1988. 431 с.
17. Ссылка в Сибирь. Очерк её истории и современного положения. СПб., 1900. 8 с. + 339 с. + Прил. (53 с.)
18. ПСЗРИ. Собр. II. Т. 22, отд. 1.
19. ПСЗРИ. Собр. II. Т. 34, отд. 2.
20. Казарян П.Л. Олёкминская политическая ссылка. 1826–1917 гг. Изд. 2-е, доп. Якутск: Сахаполиграфиздат, 1996. 496 с.
21. ПСЗРИ. Собр. II. Т. 12, отд. 1.
22. Казарян П.Л. Численность и состав участников польского восстания 1863–1864 гг. в якутской ссылке. Якутск: ИГИ АН РС (Я), 1999. 48 с.
23. ПСЗРИ. Собр. II. Т. 45, доп. к 45 тому.
24. ГАРЯ, ф. 12-и, оп. 7, д. 223.
25. ГАРЯ, ф. 15-и, оп. 1, д. 3397.
26. ГАРЯ, ф. 15-и, оп. 1, д. 5798.
27. ПСЗРИ. Собр. II. Т. 23, отд. 1.
28. ПСЗРИ. Собр. II. Т. 20, отд. 1.
29. ГАРЯ, ф. 164-и, оп. 2, д. 428.
30. ГАРЯ, ф. 12-и, оп. 1, д. 131.
31. ГАРЯ, ф. 15-и, оп. 1, д. 732.
32. Российский государственный архив древних актов (РГАДА).
33. Более подробно см.: Российский государственный архив древних актов: Путеводитель. Т. 3, ч. 1. 720 с. Т. 3, ч. 2. 432 с. [с. 721–1152]. М.: Археографический центр, 1996.
34. См.: Актовые источники по истории России и Сибири в фондах Г.Ф. Миллера. Новосибирск: Сибирский хронограф. Т. 1, 1993. IV с.+ 250 с. Т. 2, 1995. 303 с.
35. См.: Фонды Государственного архива Российской Федерации по истории России XIX – начала XX вв. – М.: Изд-во «Благовест», 1994. 394 с.
36. Российский центр документов новейшей истории (РЦДНИ).
37. Российский государственный исторический архив (РГИА).

38. См.: Мазур Т.П. Российский государственный архив военно-морского флота. Аннотированный реестр описей фондов (1696–1917). СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1996. 511 с.

39. См.: Фонды Российского государственного военно-исторического архива. Краткий справочник. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2001. 639 с.

40. См.: Государственный архив Иркутской области. Путеводитель. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1975. 295 с.

41. См.: Путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 603 с.

УДК 343

С.Л. Курас

**Вопросы совершенствования уголовного законодательства
на страницах дореволюционной
и современной ведомственной прессы**

Аннотация. Данная статья посвящена вопросам отражения уголовных норм в прессе царской России. Уголовное законодательство является основой защиты устоев общества и государства. Изучение его эволюции может представлять большой интерес для современной реформы уголовного права.

Ключевые слова: уголовный закон, преступление, пресса, реформа.

S.L. Kuras

**The issues of improvement of criminal legislation
on pages of pre-revolutionary departmental and modern press**

The article works on the issues of reflection of criminal norms in the tsarist Russia's press. The criminal law is the basis protecting the foundations of society and the state. The study of its development might represent huge interest for contemporary reformation of criminal laws.

Key words: criminal law, crime, press, reform